

«АНТОСИНОНИМИЯ» КАК СРЕДСТВО ВАРИАТИВНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Статья посвящена осмыслению одного из лексических средств вариативной интерпретации действительности. Предлагается термин для обозначения рассматриваемого феномена – антосинонимия. Анализируются коммуникативные условия функционирования антосинонимов, проявления системности в данной сфере, возможности антосинонимов как средства речевого воздействия и манипулирования.

Ключевые слова: миромоделирование, вариативная интерпретация действительности, речевое воздействие, манипуляция.

1. Понятие антосинонимии

Развитие теории речевого воздействия в последнее время обуславливает интерес к различным средствам вариативной интерпретации действительности. ИмPLICITное воздействие языка на сознание может осуществляться средствами разных языковых уровней. А.Н. Баранов выделяет такие языковые механизмы вариативной интерпретации действительности, как интонация, изменение стилистической окраски лексем, значимое варьирование нейтральной лексики, выбор порядка слов, номинализация, навязывание пресуппозиции, варьирование способов организации текста (макроструктурных моделей) и т.д. К процедурным механизмам воздействия относятся, например, варьирование степени детальности описания ситуации, использование метафоризации [1. С. 220-224].

Значимое варьирование на лексическом уровне считается изученным лучше остальных языковых механизмов воздействия на сознание [1. С. 224]. Между тем в лексической системе языка существуют корреляции, не имеющие даже названия, но регулярно используемые в функции миромоделирования – для антропоцентрической оценки, интерпретации и в конечном итоге воздействия на аксиологическую систему человека.

С их помощью говорящий имеет возможность склонять собеседника к своей точке зрения, даже навязывать ее, подталкивать собеседника к определенным выводам, моделировать его восприятие происходящего, происшедшего или предполагаемого события.

---

* © Лабутина В.В., 2009

Лабутина Вера Викторовна – кафедра русского языка Самарского государственного университета

Речь идет о лексемах, которые в контексте могут выступать по отношению друг к другу одновременно как контекстуальные антонимы и как синонимы. На наш взгляд, слова, вступающие в подобного рода конверсивные корреляции, можно было бы называть **антосинонимами**. Например, при характеристике черт характера человека или явлений общественной жизни могут использоваться пары лексем *гибкость – беспринципность* (и наоборот); *бдительность – подозрительность*; *щедрость – транжирство*; *бережливость – скупость*; *героизм – безрассудство*; *доверчивость – наивность*; *добродушие – бесхарактерность*; *снисходительность – попустительство*; *баловство – хулиганство*; *миротворцы – оккупанты*; *помощь братскому народу – военная агрессия*.

Интерпретация с помощью антосинонимов высвечивает сущность противоречивого явления. При ожидаемом же употреблении в противительных конструкциях (*это не гибкость, а беспринципность – это не беспринципность, а гибкость*) антосинонимы, являясь языковой экспликацией представления о диалектичности, взаимно и развенчивают, и оправдывают друг друга, прямо называя взаимонеизбежные «плюсы» и «минусы» обозначаемого.

2. Возможности антосинонимов в «манипулятивном» и «интерпретативном» типах дискурса

Легко себе представить, какие возможности дает антосинонимия *человеку говорящему*. Выбор способа описания ситуации уже есть присвоение власти языка, если говорящий пытается манипулировать чужим сознанием, например, составляя политическую листовку или выступая как адвокат /прокурор. Выбор стиля объяснения самому себе своей жизни и поступков других есть мощный механизм коррекции собственного поведения, например, в НЛП-терапии. Возможности антосинонимии как средства вариативной интерпретации действительности и как средства речевого воздействия огромны.

Востребованы они, во-первых, в сфере *манипулятивного дискурса*. Это и межличностные отношения, где нет **истины**, а есть своя **правда** у каждого из собеседников, и судопроизводство, судебное красноречие (поскольку судебная истина дискурсивна и конструируется по лингвистическим схемам [2. С. 34–47]), и политика, дискурс противоборствующих идеологических систем (где коммуникативной целью может являться демагогия, намеренное забалтывание, борьба за власть с помощью «грязных» технологий). А.Н. Баранов приводит пример лексических замен интересующего нас типа в сосуществовавших до недавнего прошлого политических языках ГДР и ФРГ: *ГДР – Zone – Sovietzone*. В так называемом «вьетнамском английском» (в текстах средств массовой информации США в период вьетнамской войны) использовались средства речевого воздействия, которые послужили поводом для сатирического осмысления («Словарь Великого общества» и «Большой Имперский словарь» Э. Хермана): *зверства – убийства, совершаемые ими; возмездие – убийства, совершаемые нами; фанатизм – его глубокие убеждения; вера – наши глубокие убеждения; самоопределение – право народа избирать правительство, удобное нам; анархия – быстрое изменение, не соответствующее моим интересам; умиротворение – полное уничтожение; дружественный огонь – ошибочный обстрел своих своими; вьетконговец – вьетнамский крестьянин, особенно убитый нами (т.е. американцами)* [1. С. 221].

Второй тип дискурса, где задействованы возможности антосинонимии, можно условно назвать «*интерпретативным*». В этом случае человек в беседе с самим собой или с незаинтересованным собеседником пытается понять, так сказать, «что же это было?». Он примеряет разные интерпретации, версии, ищет истину. В этом случае антосинонимы выполняют функцию миромоделирования, например:

– *Они такие славные люди, эти арабы, и я почувствовал, что, живя в Хайфе, где столько арабов-христиан, как-то неловко не знать арабского. Я всю жизнь языки изучал на бегу, со слуха или по учебнику, но арабский все-таки требует хоть какого-то вводного курса, занятий шесть – восемь, – говорит он [Даниэль Штайн] быстро, энергично, весело. Я смотрю на него с изумлением: **наивность, самонадеянность или глупость?** Когда я, головы не поднимая, начал изучать арабский язык, только на третий год занятий стал понимать устную речь, а он хочет шесть – восемь уроков? (Людмила Улицкая); **Взятка или подарок? Грань определит Высший арбитражный суд** (Вести, 28.09.06); **Политкорректность или ханжество?** (название форума в Интернете); ... я не была готова вернуться в реальный мир. Люди пугали меня... И я стала ночной уборщицей... так прошел год. Я разыскала мать. Она не задавала вопросов... Я так и не узнала, **что это было – безразличие или деликатность?**... Я не стала выяснять – просто не могла себе этого позволить: в целом свете у меня осталась только она... (Анна Гавальда).*

К сфере интерпретативного дискурса можно отнести и речевые тактики «называния всего своими именами», «выхода на метауровень», когда говорящий, по его мнению, проясняет истинное положение дел, при этом не пытаясь никем манипулировать. Например: *Сейчас одной из самых **актуальных (читай, модных)** лингвистических задач является исследование связей языка с культурой и мышлением, а также построение картины мира, стоящей за каждым языком* (Мария Бурас, Максим Кронгауз); *Все **веселое (читай: легкомысленное, поверхностное)** в пьесе принадлежит Чацкому* (Петр Вайль, Александр Генис).

Выделение манипулятивного и интерпретативного видов дискурса, конечно, достаточно условно. Чаще всего интерпретация неотделима от манипуляции, поскольку даже сам говорящий может точно не знать, что им движет. В любом случае можно констатировать, что одни и те же средства используются как для искажения истины, так и для ее прояснения. Антосинонимия – одно из таких средств.

Она позволяет и анализировать разные версии, и свободно интерпретировать любую ситуацию, и представлять что угодно в выигрышном для себя свете. Говорящий получает, во-первых, механизм расширения своих познавательных способностей, во-вторых, возможность добиваться своих коммуникативных целей, подавая реальность под определенным углом зрения.

3. Миромоделирующая и эвристическая функции антосинонимии

Функция антосинонимии – уводить сознание из-под власти бинарных оппозиций, которыми склонен мыслить человек [3. С. 46]. Альтернативой прямолинейной бинарности выступает градация.

Проиллюстрируем возможности антосинонимов как средства, могущего любой недостаток представить как естественное продолжение какого-то достоинства. Скажем, **болтливость** может представляться как следствие **общительности**, оцениваемой положительно, а негативной стороной **общительности** тогда может оказываться **болтливость**. **Шумный** ребенок может быть назван **активным** и наоборот. Обратная сторона **осторожности** – **боязливость**, **восприимчивости** – **мнительность**, **правдивости** – **бестактность**, **эгоизма** – **независимость** и т.д. Например:

Мнительный, робкий Пьеро обладает заниженной самооценкой, невысоким уровнем притязаний, и без вашей поддержки он окончательно утратит веру в себя. «У тебя все получится, ведь ты такой умный, сильный, талантливый», – если подобные слова станут лейтмотивом вашего воспитания, со временем вы обязательно будете вознаграждены. Ранимость обернется чуткостью, эмоциональная зависимость – преданностью, робость – скромностью. А тихие созерцательные игры в одиночестве разовьют фантазию и творческие способности вашего малыша (Ася Штейн); ...я ничем не отличался от своих нормальных сверстников – как внешне, так и внутренне. Представьте себе самого обычного гимназиста, причем отличника: в меру любознателен; в меру честолобив; немного замкнут, но это следствие склонности к размышлениям... (Юкио Мисима); «Продажная женщина!» – произнес я в ужасе. «Голодная девочка, Адсон. И, наверное, есть голодные братишки и сестренки» (Умберто Эко); Затем накатилась третья волна эмиграции. ... в нас много общего... И пороки у нас общие. Нравственная и политическая дезориентация. Жизнестойкость, переходящая в агрессию. То и дело проявляющаяся неразборчивость в средствах (Сергей Довлатов).

Антосинонимы, таким образом, такой же возможный способ познания действительности, как и научные, и наивные представления о причинно-следственных отношениях. Умелое использование представлений о всеобщей связи и взаимозависимости явлений может как углублять до бесконечности любое познание, так и размывать основания любой категоричной оценки, приводя к релятивизму, демагогии и даже осознанному обману. Причем может быть размыто и само понятие, скажем, обмана – с помощью тех же антосинонимов, создающих градацию и постепенную последовательную подмену понятий, например: **обман** – **ложь** – **неправда** – **полуправда** – **уклончивость** – **умолчание** – **ошибка** – **заблуждение** – **полет фантазии** – **возможная интерпретация** – **точка зрения** – «своя» **правда**:

Чего только не выдумывают дети! Порой наши малыши рассказывают самые невероятные истории, которые могли бы составить конкуренцию сочинениям знаменитых сказочников. Что это, хорошо продуманная ложь или неудержимый полет фантазии? (альманах «Счастливые родители»); – Вы им солгали? – Скажем так: я был... по меньшей мере уклончив... (Анна Гавальда).

Размыты могут быть любые надежные, «объективные» основания понятий, обладающих аксиологическим потенциалом: **ум** – **глупость**, **сила** – **слабость**, **зло** – **добро**, **вера** – **атеизм**, **победа** – **поражение**, **пессимизм** – **оптимизм** и т.д. На таких приемах могут быть построены коммуникативные стратегии профанирования, осмеяния, развенчания, дискредитации, оправдания и т.д.

Эксплицированные в результате множения бинарных оппозиций антосинонимические цепочки складываются в сложные разветвленные ассоциативные парадигмы.

Как это происходит, в каком виде наш мозг хранит информацию о противоречивом, многомерном опыте, являющемся результатом множественности интерпретаций и даже конфликта интерпретаций? Рассмотрим некоторые обобщенные данные нашего фактического материала.

Контрарная антонимия *смелость* – *трусость* может «обслуживаться» множеством антосинонимов. Контексты:

Не учитывать реальную опасность – это скорее глупость, чем храбрость (Артур Конан-Дойл); *Избыток храбрости всегда оборачивается любовью к смерти* (Джон Апдайк); *То, что ты называл трусостью, было на самом деле его безграничной любовью к семье, ко всем нам. Он готов был пойти на все, чтобы сохранить жизнь своих детей* (Людмила Улицкая).

Из множества подобных примеров получаем цепочку – *отвага / смелость / храбрость / глупость, безрассудство / героизм / любовь к смерти / авось / безответственность – трусость / ум / здравомыслие / бегство / жизнь / любовь к детям / ответственность.*

4. Антосинонимия и пословицы

Рассматриваемые средства вариативной интерпретации действительности очень похожи на **пословицы**. Любой концепт в пословицах может толковаться двояко, по принципу бинарной оппозиции. Например, противопоставление смелость – трусость представлено в пословицах и как *оправдание трусости, бегства, сдачи в плен* (*Бег не честен, да здоров; Без головы – не ратник, а побежал, так и воротиться можно; Видно, он о двух головах; Полонен вскрикнет, а убит – никогда*), и как *развенчание смелости* (*Смелого ищи в тюрьме*), и как *оправдание смелости* (*К удалому и Бог пристаёт; Отвага – половина спасенья*), и как *развенчание трусости* (*Сробел – пропал; Лучшие умирать в поле, чем в бабьем подоле*), и как *одновременно все названные варианты* (*Кто смел, тот (два) и съел (да и подавился); Отвага мед пьет (и кандалы трет); Смерть (жизнь) – копейка, (голова – наживное дело)* [4. С. 544-547].

5. Антосинонимы как способ хранения концептуальной информации

Изучая любые средства вариативной интерпретации действительности – будь то пословицы или антосинонимы, мы получаем доступ к концептуальным полям, базе данных, банку информации нашего сознания. Цепочки антосинонимов в свернутом виде хранят информацию о явлениях действительности (*что есть смелость, трусость, правда, ложь? Каковы их причины и следствия, какова их обратная сторона, во что они превращаются, до чего доходят, во что вырождаются, чем могут быть компенсированы?*). Из пословичной диалектичности, из парадоксальности антосинонимов формируется **целостное** представление, возрождается **изначальная недискретность**, расчлененная когда-то языком, который и создает (в частности, с помощью антонимов) бинарные оппозиции, и делает мнимой (в частности, с помощью антосинонимов) любую противопоставленность.

Библиографический список

1. Баранов, А.Н. Введение в прикладную лингвистику / А.Н. Баранов. — М., 2001. — 360 с.
2. Александров, А.С. «Похвала» теории формальных доказательств / А.С. Александров // Правоведение. — 2002. — №4 (243). — С. 34-47.
3. Агранович, С.З. Ното amphibolos: Археология сознания / С.З. Агранович, С.В. Березин. — Самара, 2005. — 334 с.
4. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4 / В.И. Даль. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. — 576 с.

V.V. Labutina

**«ANTOSYNONYMY» AS A MEANS
OF VARIOUS INTERPRITATION OF REALITY**

The article is dedicated to the comprehension of one of the facilities of various interpretation of reality. A term is offered for the denotation of the examined phenomenon — antosynonymy. Communicative conditions of functioning of antosynonyms, the manifestations of the system in this sphere, possibilities of antosynonyms as a means of speech influence and manipulation are analyzed.

Key words and phrases: the modelling of the world, various interpretation of reality, speech influence, manipulation.